

Звонок поднял меня в час ночи. Я села в постели, провела по лицу ладонями, включила ночник и уставилась на телефон. Тяжело вздохнула, уже зная: звонивший весьма настойчив и не угомонится до тех пор, пока я не сниму трубку.

Я отбросила одеяло, сунула ноги в тапочки, прошлась до окна и обратно, косясь на телефон, он звонил с равными интервалами и явно не собирался заткнуться.

«Отключить бы его к чертовой матери», — подумала я и пошла в кухню искать сигареты.

Потом долго шарила по столу в поисках спичек, закурила, глядя в окно и слушая, как надрывается телефон.

— Настырный, сукин сын, — усмехнулась я.

Звонки уже по-настоящему действовали на нервы. Телефон на ночь следует отключать, этот тип всегда звонит ночью. Или под утро... Отключить, конечно, можно, но где гарантия, что он оставит меня в покое и не станет, к примеру, звонить в дверь, а может, придумает еще что-нибудь затаейливое, чтобы сделать мое существование невыносимым. Телефон, по крайней мере, привычнее.

Я вернулась в комнату, еще раз вздохнула и сняла трубку.

— Я тебя не разбудил? — поинтересовался мужской голос.

Отвечать я не собиралась. Я просто слушаю этого идиота и никогда не произношу ни слова.

— Извини, если позвонил не вовремя. — В его голосе прозвучала откровенная издевка.

Я стала рассматривать фотографию на стене, это позволяет отвлечься и не обращать внимания на его слова. Впрочем, особенно разговорчивым он не был, вот и сегодня хохотнул и заявил с лютой ненавистью, неизменно меня удивлявшей:

— Тебе осталось две недели. Слышишь, сука?

Я закрыла глаза, потеряла переносицу, ожидая, что он скажет еще.

— Две недели, — повторил он и повесил трубку.

Я прикурила новую сигарету и уставилась в пол, зябко ежась, с тоской думая о том, что уснуть уже не смогу, а это означало еще одну жуткую ночь и беспросветное одиночество.

— Сукин ты сын! — бросила я в сердцах, глядя на телефон, по-настоящему не испытывая к своему мучителю никакой ненависти. Нет, я рада, что хоть кто-то в этом городе еще ждет его и считает дни. Затушила сигарету, подошла к стене и коснулась пальцами лица на фотографии. — Я люблю тебя, — проронила жалобно. Господи, кому это интересно... — Я люблю тебя, — повторила уже тише и, конечно, заревела. А что я еще могу?

Сползла на пол, вытянула ноги и сжала ладонями виски. Последнее время это повторялось из ночи в ночь — сидение в углу, раскачивание из

стороны в сторону и безуспешные попытки найти ответ: что же произошло тогда, пять лет назад? И сегодня, проделав все это, я завела привычную песню — глядя на фотографию, спросила жалобно:

— Как ты мог поверить, что я тебя предала?

Лицо с фотографии насмешливо улыбалось. Ладно, через две недели я получу ответ. Этот тип, кто бы он ни был, прав: осталось две недели.

Звонки начались год назад, второго июня. Уже несколько лет второе июня было самым страшным днем в моей жизни, и ничего хорошего я от этого дня не ожидала, и вдруг поздний звонок. Тогда впервые я услышала голос моего ночного мучителя.

— Через год он вернется, — с усмешкой напомнили мне тогда. — Тебе остался год, сука. Слышишь?

Потом он стал звонить каждое второе число, отсчитывая месяцы, потом звонки стали чаще: он считал недели.

Я тоже их считала: годы, месяцы, недели и дни. Их было так много, одинаково серых, тоскливых, без проблеска надежды.

— Ты не должен был верить... — в пустоту проронила я. Не должен? Кому, чему? О господи!..

Я прошла в кухню, достала коньяк из шкафчика, торопливо налила чуть меньше половины стакана, залпом выпила, постояла, пялясь в темноту за окном.

— Мне бы только прожить эти две недели. Две недели — это сушая ерунда, ей-богу. Четырнадцать дней и ночей. Всего-то...

Я вцепилась руками в подоконник и завывала, стиснув зубы и зажмурившись.

В первое время такое пугало, я всерьез боялась, что схожу с ума. Теперь стало привычным. Пальцы разжались, я судорожно вздохнула и открыла глаза.

— Две недели — это ерунда, — повторила сама себе с ухмылкой.

Телефон опять зазвонил. Я вздрогнула, постояла, прислушиваясь. Может, он изменил правила игры? Может... почему бы нет? Прошла в комнату и сняла трубку:

— Я слушаю.

— У тебя свет горит, — сказал Сашка. — Что, опять?

— Опять, — ответила я.

— Придушить бы этого сукина сына...

— У Ильи что, так много друзей?

— Хорош друг...

— Он его ждет, — вздохнула я. — Значит, друг. Ты многих знаешь, тех, кто ждет его?

— Успокойся, — попросил Сашка. — Я тебя прошу... Все будет хорошо. Через две недели он вернется, и все будет просто здорово. Я тебе клянусь...

— Конечно, — глотая слезы, согласилась я. — Конечно... все будет просто отлично, — швырнула трубку, схватила подушку и уткнулась в нее лицом.

Ключ в замке повернулся, дверь хлопнула, слышались торопливые шаги. Я приподняла голову и увидела Сашку. Он вошел, посмотрел на меня укоризненно и отправился в кухню. Мне было слышно, как хлопает он дверцами шкафчиков,

потом он швырнул стакан в мойку и вернулся в комнату. Ночник освещал его снизу, придавая лицу что-то сумрачное, даже трагическое.

— Так... — Он собрался высказаться резко и даже зло, вместо этого вздохнул, сел рядом и взял мою руку. Осторожно поцеловал и прижал к своей щеке. — Бессонница и коньяк, — усмехнулся невесело. — Опять одно и то же.

Я высвободила руку и стала смотреть в потолок, предметы в тусклом свете ночника отбрасывали причудливые тени, и я порадовалась, что Сашка рядом со мной.

— Коньяк, это что — норма жизни? — недовольно проворчал он.

— Хочешь сказать — много пью? — хмыкнула я.

— Нет. Ты не пьешь. Ты себя в гроб вгоняешь. Ты не спишь ночами, пьешь, куришь до отупения и пялишься в потолок.

— Странно, да? — спросила я насмешливо. — На моем месте другая женщина веселилась бы до упаду. И спала бы по ночам сладко, точно младенец.

— Самое страшное позади, — помолчав, сказал он. — Осталось две недели. Две недели ты можешь выдержать? Без коньяка и ночных истерик?

— А что изменится через две недели? — жалобно спросила я, а Сашка пожал плечами.

— Он вернется.

— И что? — Я стиснула рот рукой, боясь, что опять разревусь.

Сашка долго смотрел на меня, очень долго, за это время я немного успокоилась, прикрыла ладо-

нюю глаза от света и стала смотреть в никуда, а потом попросила:

— Ладно... Прости меня. У тебя своих забот полно. Я веду себя как последняя дура. Прости.

— Какие у меня заботы? — хмыкнул он, вытянулся рядом, обнял за плечи и стал гладить мои волосы.

— Помнишь, я болела корью... — неожиданно спросила я. — В каком классе?

— В детском саду. В подготовительной группе. А что?

— Ничего. Просто подумала... Как давно это было...

Тогда я вроде бы шла на поправку, и мама выписалась на работу. Сашка жаловался на головную боль, и родители на всякий случай оставили его дома. Мы играли в разбойников, прыгали с шифоньера на диван, разучивали на пианино «собачий вальс» и вообще веселились от души. К обеду у меня вдруг поднялась температура, я задыхалась и тряслась в ознобе. Сашка позвонил маме, а потом сидел рядом со мной, вцепился в мою руку обеими руками и смотрел испуганно.

«Сашка, я ведь не умру?» — перепугалась я так, что начала заикаться, а он затряс головой и сказал:

«Нет. Чего ты? — А потом добавил: — Я тебя люблю. Очень».

«И я тебя», — ответила я, и это было сущей правдой.

Я всегда его любила, больше, чем родителей, больше, чем бабушку, больше всех... до некоторого времени. А в Сашкиных глазах, когда он смот-

рел на меня, с тех пор где-то в самой глубине зрачка таился страх. Я прижалась к нему и сказала:

— Я люблю тебя...

— Все будет хорошо, — повторил он и поцеловал мои волосы. — Вот увидишь. Он вернется, и все будет хорошо.

— Он ни разу не написал мне, — всхлипнула я. — Он не хотел меня видеть. Он считает, что я во всем виновата. И это правда.

— Что правда? — вздохнул Сашка.

— Все. Если бы не я...

— Вот что... — Он поднялся. — Давай-ка выпьем. Коньяк еще остался. И поговорим.

Сашка сходил на кухню, вернулся с двумя рюмками и бутылкой, поставил их на тумбочку, неторопливо разлил коньяк.

— Давай... за нас.

Я выпила и опять легла, закинула руки за голову и уставилась в потолок.

— Ведь он не убивал... — сказала я скорее себе, чем Саше.

— Конечно, нет, — кивнул он.

— Но его посадили...

— Менты имели на него большой зуб, и вдруг так подфартило... Грех было не воспользоваться...

— А я... я только все испортила... — чувствуя, что опять скатываюсь в истерику, прошептала я.

— Ты хотела его вытащить. Только за него взяли всерьез и серьезные люди. Тебя допрашивали двенадцать часов почти непрерывно. Кто смог бы выдержать такое?

— Я... я должна была выдержать.

— Чепуха. Ни ты, ни я, ни он сам... Улики на-

лицо, менты довольны. Это ж было не расследование, а рождественский подарок. Оружие, из которого только что стреляли, в его машине, и сам он в сотне метров от дома, где совершено преступление, в этой самой машине задержан через десять минут после убийства. Твои показания ничего бы не изменили.

— Но ведь он не убивал?

— Нет. Мне он врать бы не стал. Да и на кой черт ему убивать этого придурка?

— Все решили по-другому...

— Забудь. Это не имеет значения.

— Он тоже так решил, — упрямо сказала я. — Он меня бросил. Скажи, за что?

— Не начинай все сначала, — нахмурился Сашка. — Ты все знаешь не хуже меня. Его подставили, да так ловко, что у него не было шансов выкрутиться. Ни одного шанса. Он не был бы самим собой, если бы сразу сдался, но и он не верил, что выкрутится. Слишком многим хотелось, чтобы он сел.

— Он бросил меня, — зарываясь лицом в подушку, напомнила я. — Он считает, что я его предала...

— Чушь собачья. Он не бросил, а сел в тюрьму. И он не хотел тебя связывать на долгие годы. Не такой он человек. Согласен, у него не очень хороший характер, но винить тебя он бы никогда не стал.

— А может, ему просто наплевать...

— Вот что, — вздохнул Сашка. — Давай-ка спать. Если не возражаешь, я останусь у тебя.

— Хорошо, постелю тебе на диване. — Я под-

нялась, а Сашка ушел в ванную. — Как твои дела? — догадалась спросить я, когда он уже лег.

— Мои дела? Нормально. Как же еще?

— Где ты был?

— Когда? — не понял он.

— Я хочу сказать, откуда ты ко мне приехал?

— А-а... Так, посидели в одном месте... перекинулись в картишки. Отправился домой, вижу, у тебя свет горит, вот я и позвонил...

— Его ждут? — без всякой связи спросила я.

— Кто? — вроде бы удивился Сашка.

— Не знаю... Кто-то... Например, те люди, которым очень хотелось, чтобы он оказался в тюрьме... Это опасно, да?

Сашка лежал, глядя в потолок, потом повернулся ко мне и заговорил очень серьезно:

— Послушай меня, пожалуйста. Когда он сел, нам здорово досталось: тебе, мне, всем, кто был с ним. Тигр в клетке, шакалы воют... Не мне тебе рассказывать, что было. Время прошло, и ничего не вернуть: он отсидел за убийство, которое не совершал. И он возвращается.

— Просто возвращается? — уточнила я.

— Да. Именно так. Он не хочет мстить, если ты об этом. И не собирается искать тех, кто его подставил. Он просто хочет жить. Это понятно?

— Конечно, — усмехнулась я. — Если бы речь шла о ком-то другом.

— Ты можешь относиться к этому как угодно, но все обстоит именно так.

— Выходит, он здорово изменился, — усмехнулась я.

— Не он один. Мы все изменились. А ему досталось больше всех.

Я посмотрела на фотографию на стене, не выдержала и заревела, кусая пальцы.

— За что? Скажи, за что он так поступил со мной?

— Тихо, тихо, тихо, — шептал Сашка, оказавшись рядом. — Не начинай все сначала. Все будет отлично, верь мне. Он вернется, мы сядем втроем, как раньше, и обсудим наши дела.

— Не в этом дело, — немного успокоившись, сказала я. — Он меня не любит. Просто не любит. И это самое страшное.

— Я прошу, потерпи еще две недели, идет?

— Я потерплю, — кивнула я. — Только для меня ничего не изменится через две недели. Я не нужна ему, и он считает меня виноватой.

— Послушай. — Сашка сжал мои плечи и заговорил торопливо, точно боялся, что не успеет все сказать: — Ты знаешь, как я люблю тебя, а он всегда был мне лучшим другом. Самым лучшим. С тех пор как умерли родители, у меня остались только вы... Я точно знаю: все будет хорошо. Просто надо еще немного потерпеть. Ты поняла?

Я положила голову ему на колени и зажмурилась. Мне очень хотелось верить... только верил ли сам Сашка в то, что обещал мне?

Я проснулась от шума воды в ванной, взглянула на часы. 7.30. Приподнялась на локте и позвала:

— Саша.

Он выглянул из-за двери, улыбнулся и сказал:

— Еще рано. Спи, — и вновь исчез в ванной, а я встала, накинула халат и вышла в кухню. Быстро приготовила завтрак.

Сашка появился минут через пятнадцать, устроился за столом и стал есть, весело на меня поглядывая, веселье он слегка переигрывал, в глубине зрачков притаилось беспокойство.

— Вкусно, — похвалил он. — Зря так рано встала... Перехватил бы что-нибудь по дороге.

— Мне нравится тебя кормить, — пожалала я плечами. — Еще мне нравится просыпаться по утрам и знать, что ты рядом... Жаль, что мы не можем жить вместе, как раньше.

— Жаль, — согласился он. — Женщина не должна жить одна. — И добавил с поразившей меня уверенностью: — Это скоро кончится.

Сашка взглянул на часы, торопливо допил вторую чашку кофе и пошел к двери.

— Заеду вечером, — кивнул он на прощание.

— Не надо, — покачала я головой, он остановился, а я пояснила: — Спасибо, но мне не нужна нянька. Я справлюсь, честно.

— А как насчет коньяка? — усмехнулся он.

— Бутылку допили вчера.

— А ночной псих?

— Ну его к черту! — Я хмыкнула, развела руками и добавила: — Мне кажется, он неплохой парень. По крайней мере, мы точно из одной команды.

Сашка закатил глаза, покрутил головой и сказал:

— Ноги бы ему выдернуть. Вместе с языком, — махнул рукой и ушел, а я стала смотреть в окно.

Вот он выходит из подъезда, поднял голову, посмотрел на меня и улыбнулся. Я кивнула в ответ, дождалась, когда он сядет в машину, а потом

покинет двор. Прошлась по квартире, замерла перед фотографией на стене и долго-долго смотрела.

— Ты вернешься, — сказала громко. — Только не ко мне. Но все равно я очень рада.

Я затеяла уборку и начала новую жизнь. Понедельник — самый подходящий для этого день. Никакого нытья и истерик, курить я уже бросила, в будущее смотрю с оптимизмом. За оставшиеся дни следует похудеть на пару килограммов, больше находиться на свежем воздухе, немного загореть и вспомнить наконец, что я красивая женщина.

Все это я говорила себе с усмешкой, но выработанной программе собиралась четко следовать.

В дверь позвонили, очень настойчиво и, должно быть, не в первый раз. У меня работал пылесос, и звонок я услышала не сразу, крикнула:

— Сейчас! — и пошла открывать.

На пороге стояла Лерка. Одиннадцать утра, а она уже, как говорится, лыка не вяжет.

— Проходи, — вздохнула я, распахивая дверь пошире и отходя в сторону. — Привет.

Лерка споткнулась на пороге, буркнула:

— Черт, — и с трудом добралась до кресла. — Выпить есть?

— Нет, — ответила я. — Слушай, что сегодня за праздник?

— У меня нет праздников, сплошные будни, чтоб ты знала. Честно, есть у тебя коньяк?

— Нет. Можешь проверить. Хочешь, напою тебя чаем.

— Катись ты со своим чаем, знаешь куда... —

Лерка тряхнула головой, резко выдохнула воздух и поинтересовалась: — Сашка у тебя ночевал?

— У меня, — кивнула я.

— Разумеется. Где же еще. И вчера, и позавчера, и всю жизнь только у тебя. Да?

— Прекрати, — поморщилась я. — У меня нет ни малейшего желания наблюдать чужую истерику. Свои надоели.

— Тебе опять кто-то звонил, и он прибежал сломя голову? Ехал мимо, увидел, что горит свет. — Она засмеялась. — Ты и твой дерьмовый братец... Как я его ненавижу... Всегда одно и то же...

— Почему бы вам не оставить друг друга в покое? — зло предложила я.

— Разумеется. Ты об этом только и мечтаешь. Ты всегда меня ненавидела, всегда, с того самого дня, когда он нас познакомил. Конечно, все вокруг должны любить только тебя, ты самая необыкновенная, да... а что я? Ты хочешь, чтобы он меня бросил, и вечно его так настраиваешь. И покрываешь эту сволочь. Он изменяет мне с каждой юбкой, а ты его покрываешь! — Последние слова она уже кричала.

Конечно, Сашка изменял ей. Сейчас, глядя на Лерку, я не особенно его осуждала. Она сидела, раздвинув колени, руки свисали почти до пола, на лице вчерашняя косметика, волосы включены, вряд ли она догадалась расчесаться с утра. Шесть лет назад она была красавицей, сейчас мало кому пришло бы в голову так ее назвать.

— Слушай, — предложила я, — ложись на диван, отдохни немного. А вечером встретишь Сашку с работы, заедете в какой-нибудь ресторан...

— В ресторан он ходит с другими, — хохотнула она. — Слушай, чего он меня не бросит к чертовой матери, а? Ты ведь знаешь, у вас секретов не бывает, что он говорит? Жалко меня, да? Вы же добрые. И еще честные и благородные. Чертова семейка... сволочи, вот вы кто. И ты, и твой братец.

— Заткнись, пожалуйста, — попросила я. — Иначе суну тебя под холодный душ, в прошлый раз тебе не понравилось.

— Конечно, — пьяно ухмыльнулась Лерка. — Я алкоголичка и стерва, так он говорит. А ты у нас ангел... ангел. А я знаю, кто настоящая стерва. И не одна я знаю, очень многие. — Она вдруг принялась хохотать, однако недолго, смех резко оборвался, Лерка нахмурилась и ткнула в меня пальцем. — Знаешь, что о тебе говорят? Не знаешь? Могу рассказать. Ты шлюха, вот ты кто. Шлюха, грязная, подлая шлюха. Ты думаешь, если пять лет сидишь в этой норе затворницей и носа никуда не кажешь, все уже забыли? Святую из себя корчишь? Как бы не так, — обычно в этом месте она замолкала, но не сегодня. — Он-то знал, что ты за штука, твой Илья. И послал тебя ко всем чертям...

Я села напротив и попросила:

— Расскажи мне...

— О чем? — вроде бы удивилась Лерка, приходя в себя.

— О том, что говорят.

— Ничего не говорят... — Она нахмурилась и стала разглядывать что-то на полу.

— Тебе Сашка не велел говорить со мной об этом?

— В гробу я видела твоего Сашку. — Она покусала губы, потом тяжело вздохнула: — Не слушай ты меня. Знаешь ведь, пьяная — я дура. Второй день пью. Сашка домой заходит редко, так, от случая к случаю. Бросил бы в самом деле, может, и к лучшему...

— Что говорят, Лерка? — напомнила я.

Она вроде бы испугалась.

— Что... всякую чушь. Убийство на почве ревности, как будто ты не знаешь.

— Знаю. Только Илья меня не ревновал, тем более к Андрею. Я не давала ему ни малейшего повода меня ревновать.

— Он тебя любил, — помолчав, заметила она. — Очень. Илья странный мужик. Про такого никогда не скажешь, что у него на уме.

— Что за чушь, Лерка. Ведь ты знаешь, идею о ревности подкинули адвокаты, когда стало ясно, что ему не выкрутиться.

— Ну... — Она нахмурилась еще больше. — Он ведь бросил тебя, разве нет? Он послал тебя ко всем чертям. Почему? Если ты не виновата...

— Наверное, в чем-то виновата, — согласилась я. А Лерка неожиданно опять засмеялась и даже погрозила мне пальцем:

— Умеете вы придуриваться, ты и твой братик. Я бы поверила, ей-богу... нет, честно, поверила бы...

— Во что? — осторожно спросила я.

— В то, что ты ангел. И воплощение невинности. И еще черт знает что. А твой брат отличный парень. Брат и Друг. Оба слова с заглавной

буквы. Вот именно: Брат и Друг. Хочешь скажу, почему этот сукин сын меня никак не бросит? — Она махнула мне рукой, я машинально наклонилась, а она зашептала: — Не может: твой чертов братец боится. Потому что я следила за ним той ночью. Улавливаешь? Я за ним следила. Ему придется убить меня или мучиться до самой смерти... Здорово, правда? — Она принялась хохотать, а я смотрела на нее и пыталась понять: что это, пьяный бред или в самом деле существует нечто, мне неизвестное.

— Давай-ка спать, — так и не сделав никакого вывода, сказала я. Сунула ей подушку под голову и достала одеяло.

Лерка спала, хмурясь и зябко поеживаясь. Я закончила уборку и устроилась на лоджии. Курила, забыв про недавнее обещание бросить, смотрела на проспект и думала. Что-то в словах Лерки не давало покоя.

Я покосилась на диван, где она спала, покачала головой и потянулась за новой сигаретой.

У меня собственная точка зрения на происшедшее несколько лет назад, по наивности я считала, что моя точка зрения — едва ли не единственная; конечно, у милиции была своя, но меня она не интересовала.

Я добровольно обрекла себя на некое подобие затворничества не потому, что таким образом пыталась искупить вину, просто никого не хотела видеть. Люди и разговоры раздражали. Общение с внешним миром я попыталась свести до минимума, а теперь об этом сожалела. Что-то происходило там, за стенами моей квартиры, что-то, что на-

прямую меня касалось, и моя точка зрения вовсе не была единственной, иначе как объяснить то, что Илья просто вышвырнул меня из своей жизни. Должна быть причина. Мне она неизвестна, но должна быть...

Лерка подняла голову, сонно посмотрела по сторонам, потом позвала:

— Аська, я у тебя, что ли?

— У меня. — Я вернулась в комнату, села на диван рядом с Леркой, спросила: — Хочешь чаю? С лимоном... Или сок, ананасовый.

— Чаю давай, — кивнула она. — И пожрать чего-нибудь. Кишки сводит...

Я быстро накрыла на стол и позвала ее.

Лерка умылась, расчесалась и села за стол, слабо постанывая.

— Убила бы дуру, — сказала она вдруг со злостью.

— Кого? — усмехнулась я.

— Себя, конечно.

Лерка была почти трезвой, а в таком состоянии предпочитала заниматься самобичеванием.

— Может, лучше бросить пить?

— Бросишь, как же... — разозлилась она. — Твой чертов братец... А-а... — Она махнула рукой и стала уплетать щи.

Я помолчала немного, наблюдая за Леркой, потом осторожно спросила:

— Ты говорила, что следила за Сашкой той ночью...

— Какой? — насторожилась Лерка.

— Той ночью, когда арестовали Илью.

— Я такое говорила? — Она испугалась, нерв-

но поежилась, поглядела во все четыре угла моей кухни и сказала: — Аська, ты же знаешь, пьяная я — дура душой. Чего хочешь соврать могу. Не бери в голову, а? Это я так, со злости... У нас сейчас с Сашкой не очень, а я люблю его. Ты же знаешь, мне без него хоть сразу в петлю. А ему хоть бы что. — Тут она заревела, а я вздохнула и возразила, вычерчивая ложкой узоры на столе:

— Ему не все равно.

— Как же... — Лерка шмыгнула носом и уставилась на меня. — У него баба есть, он даже не скрывает, при мне ей звонит.

— Извини, но мне кажется, это неправда, я имею в виду, что ему настолько все равно, что он не желает ничего скрывать.

— Ну, хорошо, он скрывает, но я-то не дура, я ж все вижу, и кому он звонит, знаю... Он тебе что-нибудь говорил про нас?

— Да. — Я вздохнула. — Говорил, что ваши отношения вконец испортились, что вы живете, словно чужие, ты много пьешь, и он не знает, как все изменить. Винит во всем себя.

— Конечно, винит... А сам дома сутками не показывается. И на меня ему плевать. Ходит мимо, точно я мебель... Он меня бросит? Что он говорил, а?

— По-моему, ему это даже в голову не приходило.

— Правда? Если он меня бросит, я не знаю, что сделаю... Я хочу ребенка, а он нет, почему? Потому что не собирается со мной жить?

— Он не хочет ребенка, потому что ты хроническая алкоголичка и ребенок может родиться

двухголовым. Извини, что я так резко, но кто-то должен сказать тебе это.

Лерка вытаращила глаза и замерла, не донеся ложки до рта.

— Это он так сказал? — спросила она где-то через минуту.

— Это я так сказала.

Она швырнула ложку, вздохнула и уставилась на меня.

— Вы очень похожи, — заметила она без злобы. — Ты и твой брат. Жаль, что вы родственники, вот бы парочка получилась... Скажи, ведь на самом деле вам никто не нужен, верно?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась я.

— Вы любите только друг дружку, и вам никто не нужен. Никто.

— Это интересная мысль. — Я усмехнулась, а Лерка насторожилась, ее взгляд заметался, она покусала нижнюю губу и попросила жалобно:

— Аська, не говори ему про то, что я здесь наболтала. Я просто пьяная дура и болтаю всякую чушь. И злюсь, что сестру он любит в сто раз больше меня. Может, я виновата, но это обидно, понимаешь?

— Понимаю. Только чего ты вдруг занервничала? Ты сегодня сказала, что следила за Сашкой в ту ночь, когда арестовали Илью. И по этой причине он тебя не смеет бросить. Жутковато звучит, да?

— Если ты думаешь... если ты думаешь, что это как-то связано с Ильей, — запаниковала Лерка, — то зря. Мне просто нравится по пьянке пугать всех подряд, я, мол, крутая и все такое... Ты

ведь знаешь, Сашка никогда от тебя ничего не скрывает. И если бы тогда что-то... — Тут она побледнела и, окончательно запутавшись, жалобно на меня уставилась.

— Я ничего ему не расскажу, — заверила я и стала смотреть в окно.

Аппетит у Лерки пропал, она торопливо пила чай, избегая встречаться со мной взглядом.

— Скажи, — подумав, попросила я, — в чем меня считают виноватой?

— Кто?

Я пожала плечами.

— Не знаю кто... Люди. Ведь что-то говорили тогда, разве нет?

— Бог с ними, — вздохнула Лерка. — Чего дураков слушать... Мне Сашка голову оторвет.

— Не оторвет. Он не узнает.

— Охота тебе все это ворошить. И я дура. Сунулась с длинным языком... Говорят, что ты была любовницей Андрея. В ту ночь Илья застал вас на его квартире. Ты убежала, а его он убил. На суде Илья промолчал о том, что вас застукал, не желая трясти грязным бельем... ну и тебя пожалел. После чего вырвал тебя из сердца, закопал на пять метров в глубину и залил цементом. — Лерка невесело хохотнула.

— Занятно, — кивнула я, а она неожиданно разозлилась:

— Чушь собачья, глупая сказочка для полудурков.

— А если это действительно так? — подумав, спросила я.

Лерка растерялась, потом нахмурилась и сказала:

— Мне можешь не заливать. Чушь все это, кому и знать, как не мне...

— Чушь, — согласилась я, и мы выпили по чашке чаю, старательно избегая глаз друг друга.

— Сашка говорит, Илья вернется, и жизнь наладится, — тихо заметила она. — Как думаешь?

— Не знаю, — ответила я честно.

— Он его вправду ждет.

— Кто? — не поняла я.

— Сашка.

Ее ответ меня поразил. Я торопливо поднялась, отошла к плите, повернувшись спиной к Лерке, стараясь скрыть охватившее меня смятение, а успокоившись, сказала твердо:

— Конечно, он его ждет. Ведь они друзья.

— Друзья, — согласилась Лерка, я попробовала обнаружить в ее голосе усмешку, но не смогла.

Лерка взглянула на часы и засобиралась домой. Я решила ее проводить, она охотно согласилась.

День был солнечным, но нежарким, улицы заполнены гуляющими.

— Мы хотели на юг съездить, — сообщила Лерка. — На пару недель. Поедем с нами.

— Может быть. Когда собираетесь?

— Попозже. Я имею в виду, Илью дождемся. Может, и он поедет, было бы здорово, правда?

— Да, — согласилась я.

Она несколько минут шла молча, потом сказала:

— Извини, что я тебе настроение испортила... Я пить брошу, правда, с завтрашнего дня.

— Хорошая мысль.

Тут на глаза мне попался телефон.

— Давай позвоним Сашке, — предложила я.

— Вряд ли он дома, уже восемь часов.

— Позвоним на работу.

— Тогда ты звони, — кивнула Лерка.

Я набрала номер и вскоре услышала Сашкин голос:

— Да.

— Это я, мы с Леркой гуляем, решили заглянуть к тебе.

— Как там она?

— Отлично.

— Что ж, заглядывайте. В баре ни души, вы будете первыми посетителями.

Лерка слушала, прижав ухо к трубке.

— Поедем? — спросила она.

— Лучше пешком. Погода хорошая, грех не прогуляться.

Лерка взяла меня под руку, и мы направились в старую часть города. Здесь, на одной из маленьких улочек, располагался ночной клуб, который принадлежал Сашке... и Илье. Сашка это неизменно подчеркивал, хоть и являлся по документам полноправным владельцем. Несколько лет назад клуб был самым популярным в городе, но после ареста Ильи Сашке пришлось нелегко, власти искали повода разделаться с ним, да и многочисленные недруги почувствовали себя вольготно и портили ему жизнь как могли. Думаю, Сашка держался за клуб из упрямства, вряд ли это заведение приносило сейчас большой доход. Разговоров на эту тему брат всячески избегал, и я не лезла.

Возле дверей стоял охранник и курил, поглядывая на редких прохожих.

— Привет, — сказала Лерка, я кивнула, он ответил:

— Привет, — и с удивлением уставился на меня: я не появлялась здесь несколько лет.

Мы вошли в бар, за то время, что мы сюда добирались, бар заполнился почти до отказа, все столы были заняты, за стойкой сидели две девушки и трое ребят. Взглянув в том направлении, Лерка чертыхнулась:

— Смена Кирилла. Терпеть его не могу. — И добавила зло: — Он меня тоже.

Мы подошли к стойке, Кирилл повернулся к нам, кивнул и неторопливо приблизился. Он вызвал у меня странное чувство. Может быть, беспокойство. Выше среднего роста, коренастый, бритый наголо, от правого виска к затылку тянулся шрам, большие серые глаза смотрели спокойно и даже равнодушно, но где-то в самой их глубине таилась угроза. Тонкий нос, узкие губы, кривая улыбка. Впрочем, улыбался он редко, говорил вроде бы неохотно. Здесь появился через год после того, как Илья угодил в тюрьму. Что их связывало с Сашкой, я не знала, но что-то, кроме того, что Кирилл здесь работал, безусловно, связывало. Неоднократно я хотела расспросить брата об этом, но каждый раз неожиданно пугалась и замолкала.

— Выпьете? — спросил Кирилл, обращаясь ко мне.

— Я выпью, — ответила Лерка. — Налей водки, грамм сто.

На Лерку он даже не взглянул, смотрел мне в глаза и вроде бы силился улыбнуться.

— Мне кофе, — попросила я, он бросил через плечо:

— Таня, сделай кофе, — и отошел к посетителю на другой конец стойки.

— Видишь, что выделяет, — разозлилась Лерка. — Какого черта Сашка его держит? Он даже не взглянул на меня.

— Брось, — попробовала я ее успокоить. — С водкой ты завязала, а кофе подаст, никуда не денется.

— Нет, просто обидно. Можно подумать, он здесь хозяин, а я так, прогуляться вышла.

Лично я была рада, что Кирилл не обращает на нас внимания: взгляд его рождал в душе что-то крайне неприятное и подозрительно похожее на страх.

Столик в углу освободился, мы взяли с Леркой свой кофе и устроились там. Через пятнадцать минут появился Сашка, перекинулся парой слов с Кириллом и подошел к нам.

— Тысячу раз тебе говорила: выгони его к чертовой матери, — проворчала Лерка с обидой, тыча пальцем в Кирилла.

— За что? — усмехнулся Сашка. — За то, что водку тебе не наливает? Так это я не велел.

— Он на меня так смотрит...

— Он на всех одинаково смотрит, у него зрение плохое, а очки носить стесняется. Нормальный мужик и честный в меру. Это сейчас большая редкость, надо ценить... Я рад, что ты сюда загля-

нула, — повернувшись ко мне, сказал Сашка и взял меня за руку.

— Я тоже, — кивнула я и попробовала пошутить: — Пора возвращаться к жизни.

Где-то через полчаса Сашка ушел к себе, а мы еще немного посидели в баре. Лерка решила провести вечер здесь, да и я домой не спешила. Мы лениво болтали и разглядывали публику, двери в бар неожиданно широко распахнулись, Кирилл за стойкой взглянул исподлобья и как-то подобрался, а я увидела входящих в бар мужчин. Первым шел Мирон, за ним два здоровячка с крайне неприятными ухмылками на лицах. Публика, заприметив вошедших, сразу притихла.

— Чего им надо? — удивилась Лерка.

— Решили отдохнуть, — ответила я.

Между тем Мирон со своей охраной устроился за стойкой. Он сидел развалясь и чувствовал себя хозяином. В прежние времена его бы и с черного хода не пустили, но то было при Илье.

Мирон насмешливо оглядел небольшой зал и заметил меня, а я мысленно чертыхнулась.

— Какие люди, — пропел он, перекрывая шум в баре, поднялся, не спеша приблизился и встал рядом со мной, сунув руки в карманы брюк. — Не могу поверить, — перестав ухмыляться, начал он. — А мне говорили, ты вроде в монастырь ушла. Грехи замаливать.

Я отодвинула чашку, подняла голову и посмотрела на него.

— В монастырь с моими грехами не берут, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Он хохотнул, раскачиваясь с пятки на носок, и убирать-

ся прочь явно не торопился. «Отважный стал», — мысленно хмыкнула я и Сашкины слова вспомнила: «Тигр в клетке, шакалы воют». Выходит, так оно и есть. — Может, присядешь? — спросила я, потому что от его раскачивания уже в глазах рябило.

— Нет, спасибо, — хохотнул он и поинтересовался язвительно: — Значит, с затворничеством покончено?

— Как видишь.

— Ждешь?

— Конечно, жду.

— Не думай, что все будет как раньше, — заявил он и вроде бы разозлился. — Не надейся. Здесь я хозяин.

— Я слышала, — кивнула я.

— Что? — не понял Мирон.

— Я слышала, что ты теперь хозяин, — охотно пояснила я, он уставился мне в глаза и замер. Не знаю, чего он ждал, но не дождался. Взгляд Мирона не из тех, что я не смогла бы спокойно выдержать. Он криво усмехнулся и вознамерился еще что-то сказать, но тут появился Сашка.

— О, братец пожаловал, — скривился Мирон.

— А в чем дело? — вроде бы удивился тот.

— Никаких дел, просто подошел поздороваться с твоей сестрой. Шикарно выглядишь, — шепнул он, наклонясь ко мне, подло ухмыльнулся и наконец убрался к стойке.

— Не обращай внимания, — сказал Сашка, сжав мое плечо, а я улыбнулась в ответ:

— Может, он теперь и хозяин, но совершенно не тот человек, на которого я могу обратить внимание.